

Статья Владимира Прохоровича Булдакова, как и всё, что он пишет, читается с огромным интересом. Он изложил свой взгляд на историю и эволюцию марксизма в России и дал аналитический обзор современных взглядов на марксизм и, в частности, Ленина. В своём капитальном труде «Красная смута» Булдаков применил методы исследования социальной психологии к анализу истории российской революции, причём сделал это не мимоходом, не в абстрактном философическом комментарии, а на огромной документальной базе. Но, видимо, этот успех породил чрезвычайное увлечение «психоанализом». Во всяком случае, вывод данной статьи о том, что «глубинным антагонизмом» 1917 г. была «несовместимость культур европеизированных верхов и традиционалистических низов», выглядит, даже с оговорками, весьма сомнительно, как и то, что «теория Маркса разорвала Россию между Прогрессом и Традицией».

В статье в связи с книгой Ю.З. Полевого автор сделал важный вывод: дотошность исследователей конкретного исторического процесса нередко мешает некоторым идеологам. Мне кажется, что знакомство с многочисленными современными исследованиями избавило бы Владимира Прохоровича от повторения старых благоглупостей и о происхождении псевдонима Ленина, и о том, что до 1914 г. он Г. Гегеля не читал, и о том, что Февральскую революцию «проглядел», и относительно «лозунга» «грабь награбленное» и т.п. Ещё важнее, что анализ связи конкретных исторических событий с «поворотами» мысли Ленина помог бы понять, правомерно ли писать об «изворотливости» ума Владимира Ильича ради «примитивной идеи-утопии» и в силу врождённой склонности к «вождизму» и интриганству.

Забвение конкретной исторической реальности, иногда вполне сознательное, обычно связано с избыточным вторжением в прошлое нынешней политики. Возьмите, к примеру, утверждение, высказанное В.В. Жириновским ещё в 2013 г., о том, что федеративный принцип, заложенный Лениным при создании СССР, стал «миной замедленного действия для всей бывшей Российской империи». Тогда же в интернете ему ответил профессор В.Я. Гросул. Но мнение профессионала не пошло впрок.

Между тем распад империи начался сразу после того, как царь отрёкся от престола. Скрепсы самодержавия пали, но ничего приемлемого для национальных окраин, кроме экзальтированных фраз о «свободной России» и обещаний преобразовать её на основах федерализма (это было программным требованием крупнейшей в то время партии эсеров), Временное правительство дать не смогло. Как следствие, в июле 1917 г. Украинская национальная рада провозгласила автономию Украины со своей законодательной и исполнительной властью и приступила к созданию собственной армии. Временное правительство признало полную независимость Польши, широкую автономию Финляндии. Впрочем, с этим правительством уже никто и не считался. Финский сейм

в июле 1917 г. заявил о фактической независимости от России, литовский — о независимости Литовской республики, а Донское войсковое правительство — о неподчинении питерскому центру.

После Октября процесс усилился. Местные «элиты» с помощью суверенитетов и автономий стремились отгородиться от революционной России. Так возникли независимые «народные республики» — Украинская (президент М.С. Грушевский), Белорусская, Молдавская; Закавказская федерация; временные правительства Урала, Сибири, Беломорской Карелии, Крымско-татарское; Горская республика, а в Чечне — Северо-Кавказский эмират; на Волге — Урало-Волжские штаты, а потом Забулачная республика; в Средней Азии — Кокандская автономия, в Семипалатинске — Алашская. И новых председателей, премьеров и президентов не смущало, что ради власти им приходилось пользоваться услугами войск немецких (Прибалтика, Украина), турецких (Закавказье), французских (Крым), английских (Север), японских (Дальний Восток).

Так что «традиционной российской государственности», о которой ныне упоминают, не существовало! В противовес «белым» республикам в ходе Гражданской войны возникали советские, объединявшиеся вокруг московского правительства: Украинская, Тавриды, Туркестанская, Латвийская и Литовская, затем Литовско-Белорусская, а далее Белорусская, Татарская и Башкирская, Бессарабская, Галицийская, Нахичеванская, Абхазская, Муганская, Горская, Дальневосточная, трудовые коммуны: Амурская, Бакинская, Эстляндская, Карельская, немцев Поволжья, областные автономии — Вотская, Марийская, Калмыцкая, Кубано-Черноморская республика, Закавказская федерация и т.д.

Никто не отрицает факторов сугубо политических, стимулировавших этот процесс. Но всё большее значение приобретали соображения этнонациональные. Многие народы, входившие прежде в империю, впервые обрели государственность. И что же теперь? Ломать их через колено? Принудить к отказу от обретенной самостоятельности, т.е. продолжить гражданскую войну? Или найти разумный и приемлемый баланс прав и обязанностей каждой республики при равноправном вхождении в единый Союз? Федерация как раз и давала возможность такого взаимоприемлемого прочного единства. И не принцип федерации стал причиной трагедии 1991 г., а скорее грубейшие его нарушения.

То, чего не понял современный политик, прекрасно осознал бывший шеф Императорского военно-воздушного флота вел. кн. Александр Михайлович. В мемуарах он написал: «Вершители европейских судеб, по-видимому, восхищались своей собственной изобретательностью: они надеялись одним ударом убить и большевиков, и возможность возрождения сильной России. Положение вождей Белого движения стало невозможным. С одной стороны, делая вид, что они не замечают интриг союзников, призывали... к священной борьбе против Советов. С другой стороны, на страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи».

Не выдерживает сопоставления с историческими фактами и утверждение о том, что Ленин как революционер являлся лишь разрушителем. Напомню лишь, что реформы, начатые им в 1921 г., после окончания войны, дали результат не через 10—20 лет, а гораздо раньше. Уже в 1924 г. сельское хозяйство достигло уровня довоенного 1913 г., а в следующем году на этот уровень вышло и промышленное производство. Первый в мире перспективный план

социально-экономического развития — ГОЭЛРО — предусматривал не только электрификацию, но включал и народонаселение, транспорт, экологию и т.п. Именно тогда появились научные коллективы, которые обеспечили нашей стране и овладение атомной энергией, и прорыв в космос, и многое другое.

Первая мировая война и последовавшие затем события вызвали во многих странах неслыханный разгул инфляции. Америка отказалась от золотого стандарта. В Германии деньги совершенно обесценились. И в России тоже повседневный денежный счёт шёл на миллионы. Где же раньше всего была установлена твёрдая валюта? В РСФСР — в результате денежной реформы, начатой в 1922 г. наркомом финансов Г.Я. Сокольниковым.

В этой же связи Ленин предложил радикально пересмотреть роль и место науки во всей системе государственной власти России, в частности Госплана, ибо он «как совокупность сведущих людей, экспертов, представителей науки и техники, обладает, в сущности, наибольшими данными для правильного суждения о делах»¹. Если раньше учёные и специалисты выступали в роли консультантов, рекомендациями которых можно было и пренебречь, то теперь Госплану придавались законодательные функции (наравне с ВЦИК и СНК).

Стало очевидно: большевики осуществляют дело государственного строительства России. Вот главный поворотный пункт, изменивший отношение к ним значительной части отечественной интеллигенции, как внутри страны, так и оказавшейся за рубежом. Вспомните движение «Смена веx», которое возглавил Н.В. Устрялов. Его представители первыми подняли вопрос о необходимости идти на службу к большевикам. Для интеллигенции это и будет её служением России, считали они. Устрялов писал, что это «долг русских патриотов», ибо именно советская власть стала «мощным и неотвратимым фактором воссоздания государства Российского».

Если отвлечься от психоанализа отдельных человеческих типов, то всех, кто пишет о Ленине, можно (с многочисленными нюансами) разделить на две группы — За и Против. Вся история российского освободительного движения с начала XX в. разделилась на тех, кто в первых рабочих и крестьянских выступлениях увидел лишь эксцессы и новую «пугачёвщину», «хулиганство дикарей цивилизации» (Н.К. Михайловский), и тех, кто считал, что надо не брезгливо отворачиваться от этой массы, а просвещать и организовывать её. Только тогда народная ненависть найдет себе выход «не в дикой мести, а в борьбе за свободу»². Впрочем, помимо этих двух основных групп, существует и колеблющаяся середина, худшая часть которой усвоила по отношению к Ленину (как и к Марксу) высокомерно-снисходительный тон профессора к незадачливому школяру: он, мол, не услышал предупреждений такого-то, не прочёл монографии такой-то. При этом подобные типы считают себя выше крайностей первых и вторых, усвоив на деле их худшие стороны. И всё это на том возвышенном основании, что они живут в XXI в., пользуются пылесосом и электромясорубкой, в то время как для Ленина вершиной освоенной техники был велосипед. Можно лишь пожелать В.П. Булдакову, чтобы он держался подальше от этой компании.

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. М., 1970. С. 349.

² Там же. Т. 4. М., 1967. С. 416.